

На самом деле, запонка не была обязательной, но она стоила недешево. Это был подарок мамы на прошлогодний день рождения. Как ни крути, а мамин подарок нельзя просто так терять.

Он долго искал и наконец нашел её на полу в уборной.

Гуань Сяо отмывал её раз за разом, но всё казалось, что она грязная.

Достав из кармана пальто платок, он завернул запонку, решив отдать в химчистку на стерилизацию.

Выйдя из заведения во второй раз, он увидел, что снег усилился.

Он направился к машине. Водитель уже ждал.

Сядясь в машину, он взглядом скользнул по ящикам с пивом у входа в шашлычную и вдруг вспомнил того пьяницу в рубашке.

В такую метель тот был одет по весенне-летнему. Кажется, не дожидаясь, пока спойтся, он скоро замерзнет насмерть в снегу.

Чэнь Байчэнь лежал в снегу, чувствуя головокружение.

Его квартира была на третьем этаже, с открытой лоджией, где в дождь скапливалась вода, а зимой — снег.

Он лежал в снегу в одной рубашке, спина зябла, падающие снежинки постепенно заваливали его. В этот момент лоджия казалась ему могилой.

Но странно: в могиле лежат мертвецы, без дыхания, без сознания, не способные думать или желать.

Следовательно, он был жив.

Более того, трезвел с каждой минутой.

Чэнь Байчэнь схватил горсть снега, слепил ком и в отместку швырнул его кое-куда.

Он не знал, куда улетит снежок: может, разлетится в воздухе, а может, смешается с другим снегом при падении. В любом случае, финал один.

Как у людей: в конце концов — смерть.

Жизнь, смерть... В чем смысл?

Приход, уход — всё сплошные страдания, пустота.

Чэнь Байчэнь открыл рот, ловя падающий снег, и вдруг услышал четкое:

— Еб твою мать.

Он замер, закрыл рот и с трудом, опираясь на перила, встал.

Он навис над краем лоджии, его покрасневшие от холода руки лежали на перилах, пока он смотрел вниз.

Гуань Сяо выругался, чуть не стиснув зубы.

Он собирался ехать сразу домой, но позвонил отец: бабушка слепила пельмени и приказала быть.

Только что поев шашлыков, Гуань Сяо есть не хотел, но бабушкин приказ был законом.

Бабушка много лет жила в этой старой квартире, наотрез отказываясь переезжать. Старые люди привязываются к старому, жалеют.

Только что расплатившись с водителем, Гуань Сяо, нахмурившись, шагал по снегу, двумя руками придерживая штанины, стараясь, чтобы снег не испачкал брюки.

Не успел он дойти до подъезда, как с неба упал снежок, метко угодив ему в голову.

Волосы у Гуань Сяо были уложены. После снежка — цело ли там, вопрос другой, но он чувствовал себя еще грязнее.

У него была мизофобия: даже воздух казался ему грязным, в снегопад он ходил с зонтом, друзья называли его истеричкой.

Сегодня как нарочно: зонта в машине не оказалось, пришлось идти под снегом. От него пахло шашлычной, он был мокрым — Гуань Сяо был на пределе. Думал, что, добравшись до бабушки, первым делом примет душ, а одежду потом решит.

Неожиданно — снег на голову — и он попал под засаду.

Гуань Сяо, получивший по голове, нахмурился, посмотрел вверх и начал ругаться:

— Кто это? Сбрасывать вещи с высоты — это убийство, знаешь?

Только он это сказал, как с лоджии третьего этажа высунулась голова.

Знакомое лицо.

Тот пьяница.

Гуань Сяо подавил гнев, сказав себе: незачем сориться с пьяницей.

Он злобно посмотрел на него и вошел в подъезд.

Чэнь Байчэнь, лежа на лоджии, с улыбкой смотрел на человека, в которого попал. Он хотел извиниться, но выражение лица того было слишком злым, что заставило его замолчать.

Похоже, извинения ему и не нужны.

Как и этот мир совсем не нуждается в его существовании.

Чэнь Байчэнь громко и дерзко рассмеялся, снова слепив снежок.

Но на этот раз он не бросил его вниз, а положил себе на голову.

Пока он играл, тот человек появился снова.

Гуань Сяо уже вошел в подъезд, но перед самой ступенью вдруг засомневался.

Он отступил, вышел и вернулся на прежнее место.

— Извинись передо мной, — Гуань Сяо посмотрел вверх, на человека с лоджии.

Всего лишь третий этаж, он ясно видел покрасневшие от холода лицо и руки Чэнь Байчэня.

Опьянение Чэнь Байчэня не прошло, ледяной снег не помог протрезветь.

Он смотрел на человека внизу пьяными, расфокусированными глазами и с лукавой улыбкой сказал:

— Извини.

Гуань Сяо не ожидал, что он так легко извинится, и все его слова застряли в горле.

Но не желающий сдаваться Гуань Сяо вдруг нагнулся, слепил снежок и изо всех сил кинул в лоджию третьего этажа.

К сожалению, снежок не долетел до Чэнь Байчэня, ударившись о стену второго этажа и рассыпавшись, как «снежный фейерверк».

Чэнь Байчэнь расхохотался, от смеха ноги его подкосились, и он чуть не рухнул на свою лоджию.

Гуань Сяо был в ярости, пробормотал:

— Мерзкий пьяница.

И пошел прочь.

Сделав два шага, он вернулся.

— Ты сейчас замерзнешь насмерть! — крикнул Гуань Сяо. — Зимой так одеваться? Ты кого пугать собрался?

Гуань Сяо был вне себя.

Бросив эту фразу, он вошел в подъезд и, поднявшись на третий этаж, машинально остановился.

В таких старых домах на каждом этаже по три квартиры. Судя по тому, что он знал о здании, дверь на востоке была домом пьяницы.

Из трех дверей только на этой, помимо рекламы по прочистке канализации, ничего не висело. У остальных еще с Нового года оставались пары и иероглифы «счастье».

Точно не человек, который живет по-человечески.

Гуань Сяо фыркнул с презрением, прошел мимо и поднялся выше.

Бабушка жила на пятом этаже. В этом доме не было лифта, в коридорах все жильцы хранили хлам, что вызывало у Гуань Сяо, с его мизофобией, физический дискомфорт.

Гуань Сяо быстро поднялся, постучал в дверь, не желая оставаться в коридоре ни лишней секунды. Ему казалось, что в подъезде пахнет дурманящим алкоголем — всё из-за этого

мертвеца-пьяницы.

Бабушка открыла дверь. В квартире было тепло.

Гуань Сяо вошел, тут же снял пальто и повесил пиджак на вешалку в прихожей.

— Быстро мой руки и садись есть! — хлопнула его по спине бабушка. — Ждем только тебя!

Гуань Сяо был высоким, бабушка едва доставала ему до плеча.

Он ласково обнял эту милую старушку и сказал:

— Твой внук грязный до невозможности, позволь мне сначала принять душ.

Гуань Сяо снял обувь и в носках побежал в ванную.

Домашние привыкли к его выходкам и уже не ругали.

Гуань Сяо мылся полчаса. Когда он вышел, все уже поели.

Он взял тарелку с пельменями, сел в гостиной и ел, глядя в телевизор. Бабушка сидела рядом, улыбаясь и спрашивая, вкусно ли.

— Кстати, — сказал Гуань Сяо. — Я помню, это дом для преподавателей? Те же люди здесь живут?

— С чего ты вдруг вспомнил? — торопила его бабушка.

Гуань Сяо проглотил пельмень и продолжил:

— Просто интересно. Все уже разъехались?

— В основном, — неспеша подошел дедушка, до этого развлекавшийся с птицей. — Больше половины съехали. Дом старый, ему уже двадцать-тридцать лет, держится только на хорошем расположении. А так бы, наверное, уже никто не жил.

Гуань Сяо задумчиво кивнул.

— А теперь кто попало живет?

— Ну нет. Наш район, хоть и не элитный, как ваши виллы, но соседи тут все приличные.

Гуань Сяо едва удержался от смеха.

— Чего ты хихикаешь? Ешь быстрее, я посуду мыть хочу!

— Я потом помою, — сказал Гуань Сяо. — Я просто говорю: вы, старики, в людях не разбираетесь. Говорите, все приличные, а у вас под боком живет пьяница-бездельник. Разве не знаете?

Услышав это, бабушка сразу поняла, о ком речь.

— Ты откуда Сяо Чэня знаешь?

— Кто? Я его не знаю, — ответил Гуань Сяо. — Он мне не нужен. Он только что кинул в меня

снежком. Хорошо еще, что снежком, а если бы камнем, сегодня бы у меня тут вся кровь была на полу.

— Не говори так страшно, — снова хлопнула его бабушка по спине. — Парень Сяо Чэнь — несчастный. Не трогай его.

— Я кого трогаю? Мне он не нужен, — ответил Гуань Сяо. Услышав слово «несчастный», он не стал уточнять. В конце концов, это его не касалось.

<http://bllate.org/book/16763/1563386>